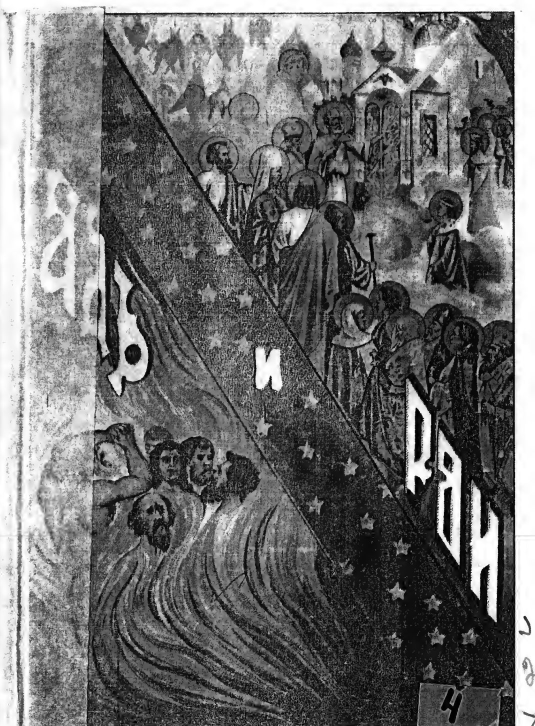

АД
И
РАЙ
4

АДЪ и РАЙ.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ

О

ВѢЧНЫХЪ МУКАХЪ АДА

И

ВѢЧНОМЪ БЛАЖЕНСТВѢ РАЯ,

И

ВИДѢНІЕ РАЯ СВЯТЫМИ.

СЪ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ ТОРГОВАГО ДОМА
ЕВДОКІЯ КОНОВАЛОВА и К°.

МОСКВА.
Типо-Литографія Торговаго Дома Е. Коновалов и К°.
Большая Андроньевская ул., свой домъ.
1911.

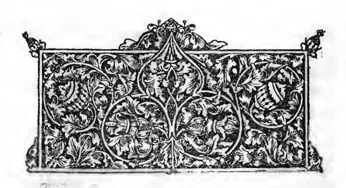
АД и РАЙ

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ
О
ВЕЧНЫХ МУКАХ АДА
И
ВЕЧНОМ БЛАЖЕНСТВЕ РАЯ

Составил
Леонид Денисов

РЕПРИНТНОЕ ИЗДАНИЕ

Сатисъ
Санкт-Петербург
1994 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

И идутъ сіи (грѣшники) *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.*

Мѳ. XXV, 46.

„Слово Божіе“,—говоритъ св. Тихонъ Задонскій,—„объявляетъ намъ блаженную вѣчность, или вѣчное блаженство, и неблагополучную вѣчность въ адѣ и геен҃нѣ огненной. Въ блаженной вѣчности будетъ жизнь безсмертная, въ неблагополучной будетъ смерть безсмертная“ [1]).

[1]) См. Творенія, т. II, изд. 5, М. 1889, стр. 226.

И далѣе онъ проникновенно набрасываетъ картину нравственнаго состоянія грѣшника въ вѣчности неблагополучной: тамъ „будетъ удаленіе отъ лица Божія, пребываніе съ діаволомъ и бѣсами, тьма кромѣшная, скорбь и печаль непрестанная, гласъ воздыханія и плача... Грѣшника будетъ грызть совѣсть безъ конца, придавая мученіе къ мученію. Въ отчаяніи осужденный самъ себя будетъ ненавидѣть, самъ на себя будетъ гнѣваться, будетъ проклинать часъ своего рожденія, проклинать время, въ которое грѣшилъ“ [1]).

— „О, вѣчность злополучная!“ — восклицаетъ св. Тихонъ. — „Тамъ страданіе безъ утѣшенія, не только словомъ, но и умомъ непостижимое страданіе, которое всегда будетъ, но никогда не кончится“ [2]).

А избранники Божіи, по окончаніи праведнаго суда Христова, пойдутъ съ торжествомъ и восклицаніемъ въ жизнь вѣчную: *царствіе пріимутъ и вѣнецъ отъ руки Господни* (Прем. V. 16); вселятся въ горнемъ Іерусалимѣ, *имущемъ славу Божію* (Апок. XXI, 11); будутъ видѣть Бога Отца лицомъ къ лицу (II Кор. XII, 12), и *якоже есть* (1, 10, 2); будутъ видѣть Христа Сына Божія, искупившаго ихъ кровію Своею; исполнятся всякихъ даровъ,

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

утѣшенія, радости и сладости Духа Святаго; будутъ имѣть дружбу со святыми ангелами и вмѣстѣ съ ними во вѣки вѣковъ восхвалятъ Господа“ [3]).

Много говорили объ адѣ и раѣ, о вѣчности, сопряженной съ мученіемъ для грѣшниковъ и увѣнчанной блаженствомъ для праведниковъ, вселенскіе учители Церкви, богомудрые руководители наши ко спасенію: св. Ефремъ Сиринъ, св. Василій Великій и св. Іоаннъ Златоустъ, нѣкоторыя поученія которыхъ мы помѣстили ниже.

Но милосердый Господь не словомъ однимъ, но и дѣломъ убѣждаетъ насъ итти по пути праведныхъ: *всѣмъ намъ хотяй спастися*, Онъ, по неизмѣримому благоутробію Своему, давалъ нѣкоторымъ людямъ возможность видѣть адъ и рай, чтобы они потомъ, пересказавъ свои видѣнія, сильнѣе запечатлѣли въ памяти людей и ужасъ адскихъ мукъ, и блаженство райскихъ наслажденій.

Такъ воинъ Таксіотъ (28 марта) и преп. Ѳеодора (30 декабря), по особому благоволенію Божію, видѣли адъ, а преподобномученица Евдокія (11 марта), св. мучц. Голиндуха—Марія (12 іюля). преп. Ѳеодора (11 сентября), преп. Матрона (9 ноября), преп. Ефросинъ (11 сентября) и блаж. Андрей юродивый (2 октября)—видѣли рай.

[3]) См. т. III. стр. 419.

Далѣе мы и помѣстили сказаніе о воинѣ Таксіотѣ, видѣвшемъ адъ, и описаніе видѣній рая, бывшихъ преп. Ефросину и блаж. Андрею юродивому, предпославъ имъ замѣчательное, по глубинѣ мыслей и по силѣ выраженія, описаніе рая, принадлежащее св. Ефрему Сирину, этому великому проповѣднику покаянія, умѣвшему зажигать въ сердцахъ людей пламень вѣры и устремлять ихъ къ искреннему и глубокому раскаянію въ грѣхахъ и къ упованію на безконечное милосердіе Божіе къ кающимся.

I.

АДСКІЯ МУКИ.

ПО УЧЕНІЮ СВ. ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ.

1. Что такое будущія мученія?

(Св. Іоаннъ Златоустъ).

Будущія блата превышаютъ всякій умъ, не только слово; а противоположное имъ, хотя выражается словами, обычными для насъ,—ибо тамъ, по словамъ Писанія, огонь, мракъ, узы, червь нескончаемый,—означаютъ не только то, что выражаютъ, но нѣчто другое, гораздо ужаснѣйшее; дабы ты убѣдился въ этомъ, обрати теперь же вниманіе, во-первыхъ, на слѣдующее. Если тамъ огонь, то скажи мнѣ, какимъ образомъ, тамъ же и мракъ? Видишь-ли, что онъ гораздо ужаснѣе здѣшняго? Онъ не угасаетъ; потому и называется неугасаемымъ. Представимъ же, какое мученіе быть сожигаемымъ непрестанно, находиться во мракѣ, постоянно испускать вопли, скрежеща зубами, и не быть услышаннымъ? Каково быть сожигаемымъ вмѣстѣ съ убійцами всей вселенной, ничего не видѣть и не быть видимымъ, но среди такого мно-

жества людей считать себя одинокимъ? Ибо мракъ и отсутствіе свѣта недозволятъ намъ распознавать даже ближнихъ, но каждый будетъ въ такомъ состояніи, какъ будто бы онъ страдалъ одинъ [1]).

2. О безконечности мученій въ гееннѣ.

(Св. Іоаннъ Златоустъ).

Всѣми людьми изслѣдуется вопросъ: будетъ-ли имѣть конецъ огонь геенскій. Христосъ открылъ намъ, что этотъ огонь не имѣетъ конца: *огнь ихъ не угасаетъ, и червь не умираетъ* (Мрк. IX, 45). Вижу, что вы содрогнулись, слыша это, но что дѣлать? Богъ повелѣваетъ непрестанно возвѣщать это: *возвѣсти*, говоритъ, *людемъ симъ* (Ис. LVII, 1). Впрочемъ, если хотите, это не будетъ для васъ непріятно. *Хощеши-ли не боятися, благое твори* (Рим. XIII, 3).

Слѣдовательно, вы можете слушать насъ не только безъ страха, но и съ удовольствіемъ. Христосъ говоритъ о тѣхъ, которые не питали его: *идутъ сіи въ муку вѣчную* (Матѳ. XXV, 46). Не говори мнѣ, гдѣ же справедливость, если мученіе не будетъ имѣть конца? Когда Богъ дѣлаетъ что-либо, пови-

[1]) 1 бес. на Евр., Спб. 1861, стр. 21—25.

Видѣніе воина Таксіота.

нуйся Его опредѣленіямъ и не подчиняй ихъ умствованіямъ человѣческимъ. Притомъ, развѣ это несправедливо, если человѣкъ получившій сначала тысячи благъ, а потомъ сдѣлавшій достойное наказанія, не умудрившійся ни отъ угрозъ, ни отъ благодѣяній, подвергается наказанію? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды намъ слѣдовало еще въ началѣ тотчасъ же погибнуть; но Богъ и тогда дѣйствовалъ не по одному закону правды, но вмѣстѣ и дѣйствіемъ Его человѣколюбія было то, чему мы подверглись. Богъ обѣщалъ тебѣ блага больше рая; еще не далъ ихъ, чтобы ты не облѣнился во время подвиговъ, но и не умолчалъ о нихъ, чтобы ты не ослабѣвалъ въ трудахъ своихъ. Адамъ, совершилъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя смерть; а мы каждый день совершаемъ тысячи грѣховъ. Если же онъ, совершивъ одинъ грѣхъ, навлекъ на себя столько зла и ввелъ смерть въ міръ, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущіе во грѣхахъ, хотя и ожидающіе небо вмѣсто рая? Если получившій меньшее осужденъ, и ничто не могло оправдать его, то тѣмъ болѣе мы, призванные къ высшему и согрѣшающіе больше его, подвергнемся нестерпимымъ мученіямъ, которыя будутъ вѣчны [1]).

[1]) 9 бес. на 1 Кор., ч. 1. Спб. 1860, стр. 149—163.

3. Различныя степени мученій.

(Св. Ефремъ Сиринъ).

Различны мученія, какъ слышали мы въ Евангеліи. Посему *тьма кромѣшная* (Мѳ. 8, 12)—въ особой странѣ; *геенна огненная* (Мѳ. 5, 22)—иное мѣсто; *скрежетъ зубовъ* (Мѳ. 13, 42)—иное. *Червь неусыпающій* (Марк. 9, 48)—также иное; одно мѣсто—*огненное озеро* (Апок. 19, 20), а другое—*тартаръ* (2 Петр. 2, 4); *огонь неугасимый* (Марк, 9, 48)—одно, *преисподняя* (Фил. 2, 10)—другое. На эти-то мученія распредѣлены будутъ несчастные, каждый въ мѣру прегрѣшеній своихъ. Какъ различны грѣхи, такъ различны и мученія.

Иначе мучится прелюбодѣй, иначе—блудникъ, иначе—убійца, иначе - воръ и иначе—пьяница. Осквернившіе себя ересями услышатъ: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни!* (Ис. 26, 10).

Кто имѣлъ вражду съ другимъ, найдетъ себѣ неумолимое осужденіе и, какъ ненавистникъ, посланъ будетъ во тьму кромѣшную, потому что возненавидѣлъ Христа, сказавшаго: *любите другъ друга и прощайте другъ другу.*

Горе тогда будетъ блуднику, горе прелюбодѣю, горе пьяницѣ, горе чародѣямъ и гадателямъ. Горе пьющимъ вино съ веселіемъ и плясками, горе оскверняющимъ себя еретическими хулами, горе погубившимъ время

покаянія въ смѣхѣ и развлеченіяхъ. Горе оправдывающимъ нечестиваго ради даровъ, горе проживающимъ чужое!..

Тогда всѣ пойдутъ они въ путь съ котораго нѣтъ возврата.

Разлучены будутъ нѣкогда царствовавшіе: станутъ плакать они, какъ дѣти, и будутъ изгнаны, какъ невольники. Разлучены будутъ монахи, жившіе въ нерадѣніи, любившіе міръ и разсуждавшіе по-мірскому. Разлучены будутъ родители съ дѣтьми, друзья съ друзьями. Разлучены будутъ супруги, не уберегшіе ложа неоскверненнымъ. Впрочемъ, не станемъ говорить болѣе, потому что страхъ объемлетъ уже меня...

Побѣгутъ тогда грѣшники, изгоняемые, принуждаемые и бичуемые свирѣпыми ангелами; побѣгутъ они, скрежеща зубами и все чаще и чаще оглядываясь назадъ, на праведныхъ, съ которыми разлучены. Увидятъ они ту радость и тотъ свѣтъ, въ которыхъ имъ нѣтъ удѣла и станутъ горько плакать и, наконецъ, скроются изъ вида. И приблизятся они къ самому страшному мѣсту, гдѣ снова будутъ разлучены и распредѣлены по родамъ мукъ [1]).

---

[1]) Творенія, т. II, М. 1858, гл. 37, стр. 372—374.

(Св. Василій Великій).

Если Богъ есть праведный Судія, не только добрыхъ, но и порочныхъ, воздающій каждому по дѣламъ его, то иной можетъ быть достойнымъ огня неугасимаго, или слабѣйшаго, или болѣе пожигающаго, другой—червя неумирающаго, но опять или сноснѣе, или нестерпимѣе причиняющаго боль, по достоинству каждаго, а иной—геенны, въ которой, безъ сомнѣнія есть разные роды мученій, а другой—тьмы кромѣшной, гдѣ одинъ доведенъ до плача, а другой, отъ усиленныхъ мученій, и до скрежета зубовъ. Самая тьма кромѣшная, безъ сомнѣнія, показываетъ, что есть въ ней нѣчто и внутреннее. И сказанное въ притчахъ: во днѣ ада! (Притч., IX, 18) даетъ разумѣть, что нѣкоторые, хотя въ адѣ, но не *во днѣ ада*, терпятъ легчайшее мученіе [1]).

(Св. Іоаннъ Златоустъ).

Не за всѣ грѣхи одинаково наказываетъ Богъ; но есть многія и различныя наказанія, смотря по времени, по лицамъ, по достоинству, по разуму и по многимъ другимъ обстоятельствамъ. Тяжесть грѣха увеличивается отъ того, совершенъ-ли онъ сознательно, или без-

[1]) Творенія, т. V. М. 1872. Краткія правила, 267 вопр., стр. 346—347.

сознательно; и отъ мѣста, на что Самъ Христосъ указываетъ: *между церквiю и алтаремъ* (Матѳ. XXIII, 35); и отъ качества самыхъ преступленiй, и отъ лицъ. Подобнымъ образомъ, если кто превосходитъ своею беспечностью самыхъ худшихъ людей, что Богъ порицаетъ у Iезекiиля въ слѣдующихъ словахъ: *ниже по судомъ языческимъ ты сотворилъ* (V, 7); когда кто-либо не исправляется даже примѣрами другихъ; когда кто не пользуется особеннымъ промышленiемъ: *аще въ Тирѣ и Сидонѣ быша силы, бывшiя въ васъ, древле убо покаялись быша. Обаче Тиру и Сидону отраднѣе будетъ ниже граду сему* (Матѳ. XI, 21). Видишь-ли совершенную точность, и то, что не всѣ за одни и тѣ же грѣхи получаютъ равное наказанiе? И мы, если не воспользуемся долготерпѣнiемъ Божiимъ, подвергнемся большому наказанiю. Это подтверждаетъ ап. Павелъ: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ* (Рим. II, 5) [1].

---

[1] 75 бес., на Ев. Матѳея ч. 3, М. 1887, стр. 268—286.

II.

БЛАЖЕНСТВО РАЯ.

ПО УЧЕНІЮ СВ. ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ.

1. Св. Ефремъ Сиринъ.

(О раѣ [1]).

„Духовнымъ окомъ воззрѣлъ я на рай. Горныя вершины не достигаютъ до его высоты... Красота его возбуждаетъ радость и влечетъ къ себѣ шествующихъ, озаряя ихъ блескомъ лучей и услаждая ихъ своимъ благоуханіемъ. Свѣтоносныя облака образуютъ кущи для достойныхъ его... Далекъ отъ взоровъ рай, недосягаемъ онъ для ока; поэтому можно рѣшиться изобразить его только въ сравненіяхъ. Представляй себѣ рай въ видѣ

---

[1]) Это произведеніе св. Ефрема въ подлинномъ текстѣ имѣетъ раздѣленіе, смотря по рукописямъ, то на 11, то на 15 гимновъ. Мы выбрали наиболѣе характерное, изъ чего составили цѣлый отрывокъ. Дивная внутренняя прелесть и высокая поэзія отличаютъ это описаніе рая. Въ оригиналѣ, на сир. яз., находится оно въ изд. „Asseman. Romma", 1746, t. III, p. 562—598; въ рус. пер. Моск. Дух. Академіи, часть VII. М. 1882, стр. 58—102. Далѣе, при каждомъ отрывкѣ, мы даемъ ссылку на указанный переводъ. Описаніе рая, отличающееся нѣкоторыми чертами, слѣдуетъ понимать согласно съ ученіемъ Церкви, въ болѣе духовномъ смыслѣ.

свѣтлаго вѣнца, окружающаго луну: онъ также окружаетъ собою и море, и сушу...

Кто въ состояніи перечислить красоты рая? Прекрасно устройство его, блистательна каждая часть его, пространенъ рай для обитающихъ въ немъ. Свѣтлы чертоги его: источники его услаждаютъ своимъ благоуханіемъ, но, изливаясь къ намъ, теряютъ его на нашей землѣ, потому что получаютъ вкусъ земной, пригодный для нашего питья...

И разнообразилъ и умножилъ красоты рая создавшій ихъ Художникъ: для низшихъ назначилъ Онъ низшую часть рая, для среднихъ—среднюю, а для высшихъ—самую высоту.

Когда праведники взойдутъ на степени, назначенныя имъ въ наслѣдіе, тогда каждый, по мѣрѣ подвиговъ своихъ, будетъ возведенъ на ту именно степень, какой онъ достоинъ и на какой ему должно пребывать. Какъ велико число и различіе степеней, такъ же велико число и различіе въ достоинствѣ поселяемыхъ: первая степень назначена покаявшимся, средина—праведнымъ, высота—побѣдителямъ. Чертогъ Божества превознесенъ надъ всѣмъ.

Невозможно даже мысленно представить себѣ образъ этого величественнаго и превознесеннаго сада, на вершинѣ котораго обитаетъ слава Господня...

ждаго украшена соразмѣрно съ подвигами его: одна ниже своимъ убранствомъ, другая сіяетъ своей красотою; одна менѣе по виду, другая блистаетъ славою.

Уже я готовъ былъ оставить рай, какъ внезапно внутри его раздался, какъ въ станѣ, голосъ поющихъ при звукахъ трубныхъ: *святъ, святъ, святъ!* И услышалъ я, какъ славословится въ раю Божество. Блаженъ, кто сподобится рая по праведности или по благости, по подвигамъ или щедротамъ.

Всѣ члены оковываетъ рай полнотою своихъ радостей: плѣняетъ глаза своимъ убранствомъ, слухъ—звуками, вкусъ и обоняніе—яствами и благоуханіями. Благословенъ Призвавшій въ рай подвизавшихся во бдѣніи и постѣ, чтобы за постничество свое насладились они утѣшеніемъ, упаслись на отрадныхъ пожитяхъ!

Будьте терпѣливы, сѣтующіе: вы вступите въ рай. Роса его смоетъ вашу нечистоту; пристанище его возвеселитъ васъ; вечеря его положитъ конецъ вашимъ трудамъ; она предложитъ алчущимъ утѣшеніе, которое очищаетъ вкушающихъ его, и жаждущимъ небесное питіе, умудряющее пьющихъ его.

Блаженъ нищій, устремляющій взоры къ этой странѣ, наполненной несмѣтнымъ множествомъ богатства! Аметисты и иные драгоцѣнные камни отложены внѣ ея, низринуты

оттуда, какъ соръ: они осквернили бы эту страну славы... они показались бы мутными и темными въ этой лучезарной странѣ...

Прилѣпись духомъ къ раю, старость! Благовоніе его возвратитъ тебѣ дѣтство, дыханіе его подаритъ тебѣ юность; онъ облечетъ тебя въ красоты, которыми прикроются скверны твои. Въ Моисеѣ видимъ мы твой образъ. Его покрытыя морщинами ланиты, цвѣтя и сіяя, стали образомъ старости, молодѣющей въ Эдемѣ...

Нѣтъ темныхъ пятенъ въ обитателяхъ рая, потому что чисты они отъ грѣха; нѣтъ въ нихъ гнѣва, потому что они свободны отъ всякой раздражительности; нѣтъ насмѣшки, потому что имъ не знакомо никакое коварство. Не дѣлаютъ они другъ другу вреда, не питаютъ въ себѣ вражды, потому что для нихъ не существуетъ зависти; никого тамъ не осуждаютъ, потому что нѣтъ тамъ обидъ.

Тамъ видятъ себя въ славѣ сыны человѣческіе; сами себѣ дивятся они, почему ихъ природа стала спокойною и чистою, почему наружно красотою, а внутренно чистотою сіяютъ; видимо—тѣло, а невидимо—души...

Кто не дозволялъ себѣ ни проклятія, ни злословія, того прежде всѣхъ ожидаетъ райское благословеніе. Кто взглядъ очей своихъ постоянно хранилъ чистымъ и цѣломудрен-

нымъ, тотъ увидитъ наивысшую красоту рая. Кто всяческую горечь подавлялъ въ своихъ помысляхъ, по членамъ того протекаютъ источники сладостнаго веселенія...

Кто съ Даніиломъ, которому воздавали честь цари, преклоняясь предъ нимъ въ своихъ діадемахъ,—въ пищу себѣ избралъ овощи, такого постника почтутъ тамъ древа, преклоняясь предъ нимъ во всей красѣ своей и взывая: войдя въ кущи наши, живи подъ нашими вѣтвями, подкрѣпляйся нашей росою, наслаждайся нашими плодами!

Кто омывалъ ноги святымъ, того очиститъ эта роса. Кто простиралъ руку помощи бѣднымъ, передъ тѣмъ сами собою наклонятся плоды этихъ деревъ. Все множество цвѣтовъ радостно поспѣшитъ увѣнчать ногу, ходившую посѣщать больныхъ, и будутъ оспаривать другъ у друга честь перваго лобзанія.

Кто съ мудрою умѣренностью воздерживался отъ вина, того преимущественно ожидаютъ къ себѣ райскіе виноградники, и каждая лоза простираетъ къ нему свои грозды. А если онъ дѣвственникъ, принимаютъ его въ нѣдра свои, потому что, живя одиноко, не позналъ онъ супружескаго лона, не восходилъ на брачное ложе...

Вѣнчавшіеся здѣсь мечемъ за Господа нашего славно въ вѣнцахъ своихъ восторжествуютъ тамъ побѣду, потому что тѣла ихъ

презрѣли огонь ихъ мучителей. Какъ звѣзды, сіяютъ тамъ семь сыновъ свѣта—*(мученики Маккавей)*—побѣдный вѣнецъ ихъ матери,—потому что смертью своею они посрамили ярость нечестиваго.

Блаженство страны той обновитъ женъ, потрудившихся въ служеніи святымъ. Тамъ увидятъ онѣ, какъ блаженствуетъ въ Эдемѣ вдовица, принявшая нѣкогда въ домъ свой Илію. Вмѣсто двухъ питавшихъ ее источниковъ—водоноса и чванца—даютъ ей пищу въ Эдемѣ древесныя вѣтви, потому что пропитала она бѣдныхъ...

Если хочешь пріити къ *„древу жизни"*, оно вѣтви свои, какъ ступени, наклоняетъ къ стопамъ твоимъ, призываетъ тебя на лоно свое, чтобы возсѣлъ ты на ложѣ вѣтвей его, готовыхъ преклонить предъ тобой хребетъ свой, обнять и тѣсно сжать въ обиліи цвѣтовъ и успокоить, какъ младенца на рукахъ матери.

Кто видѣлъ трапезу на вѣтвяхъ этого дерева? Цѣлые ряды плодовъ разнаго рода подъ руками вкушающаго; по порядку, одинъ за другимъ они сами приближаются къ нему. Плоды насыщаютъ его и утоляютъ жажду, роса служитъ ему омовеніемъ, а листы—чистымъ платомъ. Не истощается сокровищница у богатаго всѣмъ Господа!

Среди самаго чистаго воздуха стоятъ тамъ

твердо и укоренившіяся деревья; отъ зрѣлыхъ плодовъ тучнѣетъ ихъ вершина, а нижнія вѣтви всѣ въ цвѣтахъ. Кто когда слышалъ или видѣлъ, чтобы носилось надъ головою облако, подобное кущѣ, въ которой сводъ изъ плодовъ, а подъ ногами стелется цвѣтной коверъ? Едва оставляютъ тебя волны одного потока отрадъ, — какъ манитъ уже къ себѣ другой. Все исполнено радости. Здѣсь вкушаешь плодъ, а тамъ освѣжаешься питьемъ; здѣсь омываешься чистой росою, а тамъ умащаешься благовонной влагой; здѣсь обоняешь благоуханіемъ, а тамъ внимаешь услаждающей пѣсни...

Туда и сюда носятся передъ праведниками вѣтры. Одинъ навѣваетъ пищу, другой изливаетъ питье... Духовно питаютъ тамъ вѣтры живущихъ духовно. Не утомляетъ тамошняя вечеря: рука не утруждается, нѣтъ дѣла зубамъ, не обременяется чрево.

Райское благоуханіе насыщаетъ безъ хлѣба; дыханіе жизни служитъ питьемъ. Чувства утопаютъ тамъ въ волнахъ наслажденій, которыя изливаются на всѣхъ и во всѣхъ возможныхъ видахъ. Никто не чувствуетъ обремененія въ этомъ сонмѣ радостей, и всѣ безъ пресыщенія наслаждаются ими, изумляясь величію Божію...

Тѣла, заключающія въ себѣ кровь и влагу, достигаютъ тамъ чистоты, одинаковой съ

самой душой. Крылья души, здѣсь обремененной, тамъ становятся гораздо чище и уподобляются уму. Самый умъ, который мятется здѣсь непрестанно, тамъ безмятеженъ, подобно величію Божію...

Душа достоинствомъ своимъ выше тѣла, выше ея духъ, а выше ея духа — сокровенное Божество. Но при концѣ плоть облегчается въ красоту души, душа — въ сіяніе духа, а духъ уподобится величію Божію...

Благорастворенъ воздухъ, окружающей рай со внѣ; вблизи его каждый мѣсяцъ благорастворенъ. Пасмурный февраль такъ ясенъ, какъ май; холодный и бурный январь подобенъ августу; іюнь подобенъ марту, палящій іюль—росоносному сентябрю...

Каждый мѣсяцъ разсыпаетъ цвѣты вокругъ рая, чтобы во всякое время былъ готовъ вѣнецъ изъ цвѣтовъ, которымъ бы увѣнчать ему хотя стопы рая, когда недостоинъ увѣнчать его голову.

Бурнымъ мѣсяцамъ съ ихъ вѣтрами нѣтъ доступа въ рай, гдѣ господствуетъ миръ и тишина. Не могутъ коснуться они благословеннаго воздуха, который небеснымъ своимъ дыханіемъ дѣлаетъ людей безсмертными...

Неизсякаемо льется тамъ потокъ произведеній каждаго мѣсяца, и каждый изъ нихъ приноситъ плоды свои вскорѣ за цвѣтами...

Плодоносіе райскихъ деревьевъ подобно

непрерывной цѣпи. Если сняты и опали первые плоды, появляются за ними вторые и третьи...

Въ благословенной странѣ блаженства нѣтъ ни вредоноснаго холода, ни палящаго зноя. Тамъ пристань радостей, тамъ обитель свѣта и веселенія; тамъ раздаются повсюду звуки гуслей и цѣвницъ, слышны всею Церковію воспѣваемыя *осанна*, *аллилуія!..*

Вмѣсто ограды окрестъ рая—всевеселящій покой, вмѣсто стѣнъ и преградія—всеумиротворяющій миръ. Херувимъ, стерегущій рай, привѣтливъ къ блаженнымъ, обитающихъ въ раю, и грозенъ для отверженныхъ, которые внѣ рая...

Вѣяніемъ, исходящимъ изъ благословенной части рая, услаждается горечь нашей земли, Эдемомъ еще дышетъ нашъ изнемогшій міръ: имъ проповѣдуется, что нашей мертвенности послано врачевство жизни...

Взиралъ я на эту страну и сидѣлъ, оплакивая себя и подобныхъ мнѣ. Миновались дни мои, протекли какъ единый день, они утратились и исчезли, а я и не замѣчалъ. Объяло душу мою раскаяніе, потому что утратилъ я и вѣнецъ, и славу, и ризу, и свѣтлый брачный чертогъ, и трапезу царствія...

Когда выступилъ я изъ предѣловъ рая и достигъ земли, пораждающей тернія, встрѣ-

тили меня болѣзни и страданія всякаго рода. И увидѣлъ я, что страна наша есть темница, что предъ взорами у меня—заключенные.

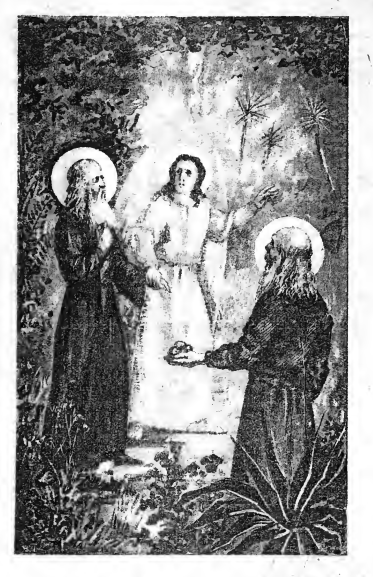
Когда Господь довершилъ созданіе Адама, то взялъ его и поселилъ въ раю. Ни душа безъ тѣла, ни тѣло безъ души не могли войти туда. Вмѣстѣ вошли они чистыя и совершенныя,—и вмѣстѣ же вышли, ставши нечистыми. А это показываетъ, что вмѣстѣ и войдутъ они въ рай въ день воскресенія!

---

2. Св. Василій Великій.

(Различныя степени блаженства).

Такъ какъ *многи обители въ дому Отца* (Іоан. XIV, 2), и различные жребіи назначены въ землѣ наслѣдія, которую *наслѣдятъ кротцыи* (Матѳ. V, 4); то ясно, что иные упокоятся въ свѣтлости Божія явленія, а иные подъ покровомъ небесныхъ силъ, другіе же въ славѣ свѣта закроются, какъ бы дымомъ. Или, можетъ-быть, самому Сіону возсіяетъ свѣтъ, а окрестъ Сіона возсіяетъ *облакъ во дни*, не отъ иного чего происходящій какъ отъ самого свѣта. Какъ дымъ бываетъ отъ огня, такъ это облако составляется свѣтомъ. Обитающіе подъ нимъ будутъ наслаждаться великою славою, какъ озаряемые самымъ облакомъ, которое во время зноя распространяется надъ ихъ головами и

Видѣніе св. Власія о преп. Евфросинѣ.

осѣненіемъ своимъ доставляетъ пріятную прохладу, а когда прольютъ жестокіе дожди, замѣняетъ непроницаемыя завѣсы, достаточно закрываетъ собой требующихъ прикрытія, и своею густотою преграждаетъ взоры [1]).

III.

ВИДѢНІЕ РАЯ СВЯТЫМИ.

1. Предварительныя указанія.

Многимъ святымъ при жизни или передъ смертью ихъ даровано было благодатью Божіею видѣніе рая.

Такъ, напримѣръ, преподобномученица Евдокія разсказывала о себѣ иноку Герману, который научилъ ее познанію истиннаго Бога, что одинъ свѣтлый юноша, явившись ей и взявъ за руку, повелъ на воздухъ и потомъ, какъ только они приблизились къ небесамъ, съ радостью встрѣчали ихъ ангелы (см. Минеи-Четьи, подъ 1 марта).

Ангелъ показывалъ также рай св. мученицѣ Голиндухѣ (во св. крещеніи Маріи), — (12 іюля) и свв. мученикамъ Тимоѳею и Маврѣ (3 мая).

Къ игумену той обители, гдѣ жила блаженная Ѳеодора, подвизавшаяся въ мужскомъ

[1]) Творенія, т. II, М. 1858, бес. на 4 гл. Исаіи, стр. 179.

образѣ, пришли два свѣтлые мужа, повели его на небеса, ввели въ рай, показали чертогъ и золотой одръ, и сказали: все это уготовлено для чернеца твоего Θеодора, который по виду только мужъ, естествомъ же жена (11 сентября).

Преп. Матронѣ передъ кончиною было такое видѣніе: ей казалось, что она находится на одномъ прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ растетъ множество деревьевъ, текутъ чистыя воды, прекрасныя птицы поютъ сладкозвучно, — и такъ хорошо то мѣсто, что невозможно его вполнѣ описать: это былъ рай Божій! Тамъ стояли благолѣпныя жены, которыя показывали преп. Матронѣ пресвѣтлую палату и говорили ей: Матрона! Это домъ твой, уготованный тебѣ отъ Бога; приди и живи въ немъ!

2. Воинъ Таксіотъ и его видѣніе ада.

(28 марта) [1]).

Въ Карθагенѣ, городѣ сѣверной Африки, жилъ одинъ человѣкъ, по имени Таксіотъ, по занятію воинъ. Онъ проводилъ свою жизнь въ великихъ грѣхахъ.

Когда случилась въ Карθагенѣ эпидемія, Таксіотъ почувствовалъ страхъ и опомнился.

[1]) Составлено по Минеямъ-Четьямъ. Таксіотъ не есть имя собственное. Это слово, въ переводѣ съ греческаго, означаетъ *воинъ*.

Онъ сталъ раскаиваться въ грѣхахъ своихъ и, выйдя съ женой своей изъ города, поселился въ одномъ мѣстечкѣ, наложивъ на себя молчаніе.

Немного времени спустя, онъ впалъ въ прелюбодѣяніе съ женою человѣка, снимавшаго у него землю и жившаго съ нимъ въ одномъ селеніи.

Спустя нѣсколько дней, Таксіотъ былъ ужаленъ ядовитою змѣей и умеръ.

На разстояніи одной стадіи отъ этого селенія находился монастырь. Жена Таксіота пошла туда и упросила монаховъ взять тѣло умершаго, чтобы похоронить его въ церкви.

И вотъ его похоронили въ девять часовъ утра.

Когда наступило три часа дня, изъ его гроба послышался вопль.

— Помилуйте меня, помилуйте меня!— неслось изъ гроба.

Приблизившіеся ко гробу услыхали голосъ мертвеца, быстро раскрыли гробъ и нашли погребеннаго живымъ.

Всѣ въ изумленіи спрашивали Таксіота, желая узнать, что было съ нимъ, и какъ онъ ожилъ.

Но Таксіотъ ничего не могъ разсказать отъ сильнаго плача и рыданія. Онъ только просилъ, чтобы его вели къ рабу Божію епископу Тарасію.

И привели его къ епископу, который три дня принуждалъ Таксіота, чтобы тотъ разсказалъ ему, что онъ видѣлъ тамъ.

Но Таксіотъ на четвертый день только могъ говорить.

Съ мучительными слезами онъ началъ свой разсказъ.

— Когда я умиралъ,—говорилъ Таксіотъ,— я увидѣлъ какихъ-то эѳіоповъ, которые стояли возлѣ меня. Ихъ видъ былъ невыразимо страшенъ,—душа моя металась и мучилась. Потомъ я увидѣлъ двухъ юношей чудно-прекрасныхъ, и душа моя вскочила въ руки ихъ.

И тотчасъ мы, словно летя, стали восходить съ земли въ высоту. Мы встрѣтили мытарства, подстерегающіе восходъ души всякаго человѣка, и каждое мытарство за свой грѣхъ истязало: одно за ложь, другое за зависть, иное за гордость...

— И я видѣлъ въ ковчежцѣ, держимомъ ангелами, всѣ мои добрыя дѣла; ангелы брали ихъ и сопоставляли съ моими злыми дѣлами. Такъ мы прошли мытарства. Когда же, приближаясь къ вратамъ небеснымъ, мы пришли къ мытарству блуда, удержали меня тамъ подстерегавшіе и вынесли всѣ мои блудныя дѣла, совершенныя мною съ дѣтства и доселѣ.

И сказали водившіе меня ангелы:

— Всѣ тѣлесные грѣхи, которые ты со-

вершилъ въ городѣ, прощены, потому что ты раскаялся въ нихъ.

И сказали мнѣ противники мои:

— Но когда ты вышелъ изъ города, въ селеніи ты согрѣшилъ съ женою твоего земледѣльца.

Слыша то, ангелы не нашли добраго дѣла, чѣмъ возмѣстить грѣхъ мой, и, оставивъ меня, ушли.

Лукавые духи взявъ меня били и свели внизъ. Сквозь разсѣдающуюся землю я былъ введенъ ими узкими входами между тѣсныхъ и смрадныхъ скважинъ до преисподнихъ темницъ ада. Тамъ души грѣшныхъ затворены во тьмѣ вѣчной, гдѣ нѣтъ имъ жизни, но мука вѣчная, неутѣшный плачъ и неисповѣдымый скрежетъ зубовъ. Тамъ всегда вопіютъ сильнымъ воплемъ, говоря:

— Горе намъ, горе! Увы, увы!

Невозможно высказать существующихъ тамъ бѣдъ и нельзя объяснить тѣхъ мученій, которыя я видѣлъ тамъ. Они стонутъ. и никто о нихъ не жалѣетъ; плачутъ, и нѣтъ утѣшающаго, ни избавляющаго.

И я былъ затворенъ съ ними въ этихъ темныхъ мѣстахъ и посаженъ въ тѣснотѣ. Я плакалъ и рыдалъ, будучи заключенъ съ девяти до трехъ часовъ.

Затѣмъ я увидалъ небольшой свѣтъ и двухъ ангеловъ, пришедшихъ туда. Я сталъ

усердно просить ихъ, чтобы они вывели меня изъ этой бѣды, и я успѣлъ бы принести Богу раскаяніе въ своихъ грѣхахъ.

И сказали мнѣ ангелы:

— Напрасно умоляешь, никто не выходитъ отсюда, пока наступитъ воскресеніе всѣхъ.

Я сильно просилъ и умолялъ, обѣщаясь покаяться.

Тогда одинъ ангелъ сказалъ другому:

— Поручаешься-ли ты за него, что онъ покается?

— Поручаюсь,—отвѣчалъ другой.

И я видѣлъ, что поручникъ мой далъ ему руку.

Ангелы, взявъ, вывели меня оттуда въ гробъ къ тѣлу моему, и сказалъ мнѣ:

— Войди, откуда отлучился.

И видѣлъ я естество души моей, свѣтящееся, какъ жемчугъ, а мертвое тѣло мое, какъ тина, черное и зловонное, и гнушался войти въ него.

Тогда ангелы сказали мнѣ:

— Невозможно тебѣ покаяться, иначе, какъ съ тѣломъ, которымъ грѣшилъ ты.

Но я умолялъ ихъ не входить въ тѣло.

— Войди, сказали мнѣ ангелы: если же нѣтъ, то опять отведемъ тебя туда, откуда взяли.

Тогда я вошелъ, ожилъ, и сталъ кричать: „помилуйте меня“.

— Поѣшь пищи, — сказалъ ему епископъ Тарасій.

Но Таксіотъ не хотѣлъ ѣсть, и ходилъ только въ церковь ежедневно, припадалъ лицомъ къ полу, исповѣдуясь Богу со слезами и воздыханіемъ. Онъ говорилъ всѣмъ:

— Горе согрѣшающимъ, потому что ихъ ждетъ вѣчная мука!

— Горе не кающимся, — пока есть время!

— Горе оскверняющимъ свое тѣло!

Таксіотъ послѣ своего воскресенія прожилъ сорокъ дней.

Очистившись покаяніемъ и за три дня до смерти узнавъ часъ кончины своей, онъ отошелъ къ Господу милосердому и человѣколюбивому, низводящему въ адъ и возводящему оттуда.

3. Преп. Евфосинъ [1].

(11 сентября).

Въ IX вѣкѣ по Рождесгвѣ Христовомъ, въ одномъ изъ египетскихъ монастырей жилъ святой Евфросинъ. Онъ родился въ одномъ амморейскомъ городѣ близъ Палестины [2]).

Въ монастырѣ онъ проходилъ послушаніе повара. Онъ трудился безъ устали въ поварнѣ для братіи и, разжигая вещественный огонь, разгорался въ сердцѣ невещественнымъ

[1]) Составлено по Прологу.
[2]) См. Lambecii, Bibl. Vindobon. III, 857; также арх. Сергія Мѣсяц. Востока, т. II, ч. 2, стр. 282.

И такъ все продолжалось, и шло время въ поруганіи и скорби для Евфросина отъ окружающихъ его и въ его непрестанной, внутри себя и втайнѣ творимой молитвѣ къ Богу и въ пламенной любви къ Нему. И этой жизнію Евфросинъ достигъ великой святости: Богъ утѣшалъ его и давалъ ему радость въ невыносимой земной жизни. Господь посылалъ ангеловъ Своихъ, и они восхищали его въ сладости.

По временамъ Господь восхищалъ его въ рай, чтобы онъ отдыхалъ и вкушалъ тамъ небесное, невыразимое наслажденіе, и послѣ при продолжающемся ощущеніи его въ своемъ сердцѣ могъ выносить свою жизнь.

Вмѣстѣ съ Евфросиномъ жилъ въ монастырѣ одинъ пресвитеръ, по имени Власій. Этотъ Василій былъ соотечественникъ Евфросина, происходя съ нимъ изъ одного и того же амморейскаго города.

Василій отличался благочестіемъ и никогда не оскорблялъ Евфросина. Онъ одинъ старался заглянуть въ его душу, предполагая въ ней добродѣтель.

Однажды Власій долго молился Богу, прося Его показать ему Своего сокровеннаго угодника.

И вотъ Господь благоволилъ прославить Евфросина, столько лѣтъ поносимаго.

Во время молитвы внезапно, самъ не зная,

какимъ образомъ, Власій былъ восхищенъ въ рай.

Ангелъ водилъ его по чудному саду, гдѣ онъ увидалъ Евфросина повара. Василій долго стоялъ въ удивленіи и глядѣлъ на него, потомъ спросилъ:

— Ты-ли Евфросинъ, поваръ нашей обители?

— Я, отецъ,—отвѣчалъ Евфросинъ.

Тогда пресвитеръ Власій сказалъ:

— Умоляю тебя, скажи мнѣ, какъ попалъ я грѣшный и непотребный въ это жилище свѣта и радости, и какимъ образомъ и ты находишься сдѣсь?

— Ты молился отецъ,—кротко и просто отвѣчалъ Евфросинъ,—и Господь исполнилъ твою молитву.

Въ это время дивное благоуханіе привлекло обоняніе пресвитера. Онъ взглянулъ туда, откуда несся ароматъ, и увидѣлъ какіе-то дивные плоды.

Человѣкъ не знаетъ языка неба, и потому не можетъ назвать райскіе предметы по ихъ имени. Созерцая невѣдомыя ему вещи, онъ не можетъ дать имени чувственнымъ языкомъ, но, примѣняя къ земнымъ понятіямъ, называетъ ихъ такъ, какъ кажется ему сходнымъ съ извѣстными ему вещами.

Такъ и Власій, созерцая невиданные плоды, не зная, какъ ихъ назвать, подумалъ по-человѣчески, что это райскія яблоки.

А эти небесные плоды стройно висѣли на тонкихъ вѣтвяхъ, украшая деревья, высоко поднимавшіяся въ сіяющемъ облакѣ. Они сіяли какъ бы насквозь; неизъяснимое благовоніе разливалось отъ нихъ, и видъ ихъ плѣнялъ зрѣніе, манилъ вкусъ, какъ цѣльбоносная, животворная пища.

— Чьи это яблоки,—спросилъ Власій, не умѣя иначе назвать эти неизвѣстные ему плоды.

— Мои, благодатію Божію, — отвѣчалъ Евфросинъ.

— Можешь ты дать мнѣ хоть частицу отъ одного яблока,—просилъ Власій.

— Бери,—сказалъ Евфросинъ;—что имѣю, то даю по благодати Бога моего.

И Евфросинъ снялъ съ вѣтки три яблока и положилъ ихъ въ руки пресвитера.

Разсвѣтъ едва брежжилъ на разсѣвавшейся темнотѣ...

Въ своихъ черныхъ одеждахъ вставали съ своихъ суровыхъ ложъ иноки... Ударили въ билло... И эти простые, трогательные звуки, какъ чистая греза о прекрасномъ бытіи пронеслись въ блѣдныхъ просвѣтахъ восходящей десницы...

Власій проснулся... Сердце его билось радостью, все оно дышало такимъ услажденіемъ, какого онъ до сихъ поръ еще не испытывалъ никогда. Онъ взглянулъ на свои руки,

и въ нихъ, завернутые въ его платокъ, лежали дивные плоды.

Власій вскочилъ съ своей жесткой постели и, держа въ лѣвой рукѣ платокъ съ яблоками, правою нѣсколько разъ медленно и благоговѣйно перекрестился, потомъ сталъ ходить и взадъ, и впередъ по келіи. Въ сердцѣ онъ чувствовалъ радость, и его захватывалъ восторгъ... Въ ушахъ Власія отдавался звонъ колокола, и лучи разсвѣта падали на его лицо... Онъ остановился и долго разсматривалъ небесные плоды... А они сіяли, подобно далекимъ звѣздамъ, сорваннымъ съ голубой тверди.

— Это яблоки и въ то же время какъбудто нѣтъ,—думалъ пресвитеръ, глядя на плоды.

Онъ бралъ ихъ руками, словно желая убѣдиться, во снѣ-ли это все происходитъ или на яву... Но дѣйствительность стояла передъ Власіемъ, яркая и неотразимая, заставляя передъ очевидностью событія увѣриться въ своемъ существованіи. Райскіе яблоки лежали въ его рукахъ, прекрасные, благоуханные, и свѣтъ наступающаго утра терялся, какъ мгла вечера, передъ ихъ лучистымъ отблескомъ.

Затѣмъ, движимый несомнѣнной, непререкаемой дѣйствительностью, Власій устремился въ церковь съ дивными плодами въ рукахъ.

Тамъ никого не было, братія не собралась еще въ храмъ къ утрени. Но лампады предъ образами уже были зажжены старцемъ прислужникомъ. И ихъ огоньки мигали въ быстро наступившемъ разсвѣтѣ... Власій остановился по серединѣ церкви и оглянулся кругомъ. Евфросинъ уже пришелъ, и пресвитеръ увидѣлъ его. Онъ бросился къ Евфросину и прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Ты былъ въ раю Бога нашего и ты это далъ мнѣ яблоки?

— Я, отецъ, — смиренно отвѣчалъ Евфросинъ,—я далъ тебѣ плоды отъ щедротъ Божіихъ. Но прости меня, отецъ, я грѣшникъ, и нуждаюсь въ милосердіи Божіемъ.

Евфросинъ поклонился пресвитеру до земли, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ пошевелится, мгновенно исчезъ изъ церкви.

Власій пошелъ къ игумену и открылъ ему все, показывая яблоки. Тотъ созвалъ всѣхъ иноковъ и со словъ Власія все разсказалъ имъ, представляя доказательствомъ эти чудесные плоды. Братія не могли отвести восторженныхъ взоровъ отъ нихъ и—пораженные и умиленные—всѣ единомысленно во главѣ съ игуменомъ пошли къ Евфросину, чтобы попросить у него прощенія за свои обиды ему и воздать ему почесть, какъ великому подвижнику. Но Евфросинъ скрылся и они не могли его найти ни въ церкви, ни

въ келіи, и нигдѣ во всей окрестности. Святой исчезъ безслѣдно, и гдѣ онъ жилъ послѣдніе дни своей жизни и гдѣ скончался—неизвѣстно.

Братія горько плакали, что оскорбляли и тѣснили угодника Божія и не могли выпросить у него прощенія. Въ утѣшеніе имъ Власій сказалъ:

— Молитесь Господу о грѣхахъ своихъ, и Онъ Милостивый приметъ ваше раскаяніе ради угодника Своего, и Евфросинъ также проститъ васъ.

— Научитесь отъ него,—онъ подражатель Бога любви. Вы испытали на себѣ его любовь, когда онъ на всѣ ваши обиды и насмѣшки отвѣчалъ незлобіемъ и добротой, и все переносилъ въ кроткомъ безмолвіи! Теперь воодушевитесь его подвигомъ, его смиреніемъ, ради котораго онъ скрылся, чтобы избѣжать славы человѣческой! Подражайте его добродѣтелямъ, оставьте вражду, ссоры, обиды, насмѣшки, имѣйте любовь между собою, живите въ любви, и вы удостоитесь небесныхъ благъ, которыя Господь такъ обильно даровалъ Евфросину.

Братія плакали и обѣщали измѣниться. Потомъ они раздробили яблоки на мельчайшія части, ѣли сами, и раздавали приходящимъ въ монастырь мірянамъ. И какимъ кто бы ни былъ одержимъ недугомъ, всякій исцѣлялся и становился здоровъ.

Эти плоды имѣли святую силу,—больные выздоравливали, здоровые получали радость и свѣтлое состоянiе наполняло ихъ по вкушенiи плодовъ. А Евфросинъ скрылся отъ почитанiя людского: *„удалился, бѣгая невѣдомо весьма“*, по выраженiю Пролога.

---

4. Блаженный Андрей юродивый[1]).

(2 октября).

Святой Андрей юродивый былъ родомъ славянинъ. Онъ былъ купленъ вмѣстѣ съ другими рабами однимъ гражданиномъ Царьграда, по имени Өеогностомъ.

Өеогностъ полюбилъ его и отдалъ учиться божественному Писанiю. Андрей вскорѣ изучилъ Священное Писанiе и часто ходилъ въ церковь. Онъ читалъ святыя книги и молился Богу. Однажды онъ имѣлъ видѣнiе, въ которомъ призывался на подвигъ юродства. Съ этихъ поръ Андрей сталъ юродствовать, совершая втайнѣ великiя дѣла добра, любви и терпѣнiя.

Онъ такъ былъ угоденъ Богу, что подобно Павлу, былъ восхищенъ до третьяго неба и тамъ слышалъ неизреченные глаголы и узрѣлъ невидимое. Онъ самъ открылъ объ этомъ одному своему вѣрному другу Никифору.

Однажды въ Константинополѣ была зима

[1]) Составлено по Минеямъ-Четьимъ.

съ сильнымъ морозомъ; выпалъ большой снѣгъ и дулъ сѣверный вѣтеръ. Проносились бурные вѣтры, которые ломали деревья.

Тогда Андрей, не имѣя нигдѣ пристанища и одежды, выносилъ тяжкое лишеніе и страданіе.

Когда онъ приходилъ къ нищимъ, чтобы хоть немного гдѣ-нибудь отдохнуть съ ними подъ кровомъ, они гнали его отъ себя палицами, какъ пса.

— Уйди отсюда,—кричали они на него: уйди, песъ. И уже не зная, гдѣ укрыться, Андрей сказалъ самъ себѣ:

— Благословенъ Богъ, я если и умру отъ этого холода—то умру изъ-за любви къ Нему! Но силенъ Богъ и въ холодѣ этомъ дать мнѣ терпѣніе.

Придя въ одинъ уголъ, гдѣ кончалась улица и загибался выступъ дома, Андрей увидѣлъ лежащую собаку. Онъ легъ рядомъ съ ней, чтобы согрѣться отъ нея. Но песъ всталъ у ушелъ.

— О, какъ грѣшенъ ты,—сказалъ себѣ, прослезившись, Андрей:—не только люди, но и собаки гнушаются тобою!

Въ своемъ великомъ смиреніи отъ не видѣлъ красоты своей души и считалъ себя грѣшникомъ, тогда какъ Богъ только испытывалъ его.

Такъ Андрей лежалъ и уже весь посинѣлъ отъ холода, и, думая, что умретъ, сталъ молиться Богу.

Вдругъ онъ ощутилъ въ себѣ какую-то теплоту и, открывъ глаза, увидѣлъ юношу чудно-прекраснаго, лицо котораго свѣтилось, какъ солнце. Онъ держалъ въ своей рукѣ вѣтку, на которой цвѣли различные цвѣты. Этотъ юноша поглядѣлъ на Андрея и сказалъ:

— Андрей, гдѣ ты?

— Я,—отвѣчалъ Андрей,—во тьмѣ и сѣни смертной.

Явившійся слегка коснулся Андрея по лицу той цвѣтущей вѣтвію и проговорилъ:

— Прими оживленіе своему тѣлу!

И тотчасъ Андрей обонялъ благоуханіе тѣхъ цвѣтовъ, которое, проникнувъ въ его сердце, согрѣло и оживотворило все тѣло его.

Потомъ онъ услыхалъ голосъ, который говорилъ:

— Ведите его, пусть утѣшится здѣсь на время, а потомъ опять возвратится.

И тотчасъ съ этими словами налетѣлъ на Андрея сладкій сонъ, и онъ видѣлъ неизреченныя откровенія Божія, о которыхъ подробно разсказалъ Никифору.

— Что сдѣлалось и что было со мною — не знаю, говорилъ Андрей своему другу Никифору.

— Подобно тому, какъ кто спитъ сладко всю ночь, и встанетъ по утру, такъ и я двѣ недѣли находился въ сладостныхъ видѣніяхъ, какъ хотѣло Божіе произволеніе. Я видѣлъ себя какъ бы въ прекрасномъ и дивномъ раю, удивлялся и думалъ: „что это такое? Я знаю, что живу въ Константинополѣ, какъ же я попалъ сюда, не знаю“.

— Я не могъ понять себя—въ тѣлѣ я нахожусь или внѣ тѣла, Богъ знаетъ. Но я видѣлъ себя облаченнымъ въ невыразимо свѣтлую одежду, какъ бы сотканную изъ молній. Я видѣлъ надъ моей головой вѣнецъ, сплетенный изъ одного громаднаго цвѣтка, который имѣлъ такой прекрасный и удивительный видъ, что я не умѣю и не въ силахъ разсказать тебѣ объ этомъ вѣнцѣ. Поясъ царей былъ надѣтъ на меня, я оглядывалъ себя и радовался той красотѣ, которою былъ украшенъ.

— Я изумлялся и дивился умомъ и сердцемъ несказанному благолѣпію Божія рая, и, ходя по немъ, веселился и наслаждался. Свѣтлая отрада и глубокая сладость заливали мое сердце. Мои земныя страданія блѣднѣли и исчезали, уступая мѣсто животворному счастію, которое низошло въ мое сердце, наполнило его, и завладѣло всѣмъ существомъ моимъ. Всѣ бѣды, поруганіе, уничиженіе отъ людей, всѣ скорби, тяжесть и тѣснота моей жизни, которыя я терпѣлъ изъ принятаго на

себя ради любви ко Христу юродства—какъ бы сжимались, свертывались, какъ ядовитыя змѣи, и потомъ распадались и развѣивались...

— Я видѣлъ много садовъ... Высокія деревья колебались своими вершинами, и это колебаніе было чудно и весело зрѣнію. Благоуханіе исходило отъ ихъ вѣтвей и разносилось въ чистомъ сіяющемъ воздухѣ...

Одни изъ тѣхъ деревьевъ цвѣли непрестанно, другія были украшены златовидными листьями, а иныя были покрыты плодами несказанной красоты.

Плоды эти были разнообразны, и не походили ни на одинъ изъ земныхъ плодовъ, и невозможно уподобить красоты тѣхъ деревьевъ ни одному земному дереву.

Въ тѣхъ садахъ были безчисленныя птицы; у иныхъ крылья сверкали, какъ золото, другія были бѣлы, какъ снѣгъ, а иныя были украшены разными пестрыми перьями. Онѣ сидѣли на вѣтвяхъ райскихъ деревьевъ и пѣли такъ дивно и упоительно, что отъ сладостныхъ звуковъ ихъ пѣнія я забылъ о себѣ: такъ услаждалось мое сердце.

И мнѣ казалось, что пѣніе ихъ слышится даже на высотѣ небесной.

Прекрасные эти сады стояли тамъ рядами, какъ стоитъ полкъ противъ полка. Я ходилъ между ними, и великая радость трепетала въ каждомъ моемъ дыханіи, окрыляла меня

чувствомъ всецѣлой свободы и проникала необъятнымъ удовлетвореніемъ. Тамъ шли обширныя равнины, густая трава ихъ свѣтилась, а цвѣты походили на разноцвѣтные лучи солнца. Среди этихъ цвѣтовъ бѣгали прекрасные звѣри; одни были бѣлые, другіе голубые, а иные какъ бы обвитые розовымъ блескомъ разсвѣта. Они всѣ были мирны, веселы и дружны. Какіе-то тонкіе, чрезвычайно пріятные звуки, которыми они обмѣнивались другъ съ другомъ, превосходили всякую земную музыку. Шерсть ли, или тончайшія шелковыя нити служили имъ одеждой—я того не могъ понять.

Въ то время, какъ я глядѣлъ на нихъ и удивлялся, что въ раю Божіемъ находятся звѣри, вдругъ послышался голосъ, который словно ниспадалъ съ высоты.

— Что ты удивляешься, Андрей? Или ты сталъ сомнѣваться въ любви Божіей? Богъ любитъ всѣхъ, и невинныхъ своихъ созданій не отдаетъ на вѣчное тлѣніе.

— Умиленіе, какъ усладительный напитокъ, растворилось въ моемъ сердцѣ, и я воздалъ хвалу Господу.

— Я видѣлъ тамъ рѣку великую, которая текла среди садовъ и напояла ихъ. По берегамъ этой рѣки стлался виноградъ... Листья и гроздья его были, какъ золото, и свѣтъ рая отражался на нихъ чудесными образами...

Съ четырехъ сторонъ тамъ вѣяли тихіе и благовонные вѣтры; ихъ дуновеніе колебало сады, которые производили своими листьями дивный шумъ. Ихъ шелестъ такимъ отраднымъ, животрепещущимъ покоемъ наполнялъ сердце, о какомъ и не вѣдаютъ на землѣ люди.

Вдругъ какой-то ужасъ напалъ на меня, и мнѣ показалось, что я стою на верху небесной тверди. Какой-то юноша, одѣтый въ багряницу, съ солнечнымъ лицомъ ходилъ впереди меня. Я думалъ, что это тотъ, который коснулся моего лица цвѣтущею вѣткой.

Идя за нимъ, я увидѣлъ крестъ прекрасный и великій, видомъ похожій на радугу. Вокругъ его стояли огнезрачные, какъ пламя, пѣвцы.

Они пѣли какую-то сладостную, невѣдомую намъ пѣснь. Я понялъ или скорѣе почувствовалъ сердцемъ, что они прославляютъ бывшаго Распятымъ на крестѣ Господа. Юноша, который шелъ впереди меня, приступилъ ко кресту, поцѣловалъ его, и позвалъ меня, чтобы и я цѣловалъ его. Я припалъ къ святому кресту съ великимъ страхомъ и радостію и лобызалъ его крѣпко.

Лобзая крестъ, я насыщался неизреченной сладостію, она питала меня, и я почувствовалъ въ себѣ безмѣрную духовную силу.

Миновавъ крестъ, я поглядѣлъ внизъ и увидѣлъ подъ собою словно бездну морскую. Мнѣ показалось, что я иду въ воздухѣ, я испугался и закричалъ къ водившему меня.

— Я боюсь, что упаду въ бездну.

Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Не бойся: намъ надо взойти выше.

Онъ подалъ мнѣ руку и, когда я взялся за нее, мы стояли уже выше второй тверди. И тамъ я видѣлъ дивныхъ мужей, и покой ихъ, и радость праздника ихъ, неизглаголанную языкомъ человѣческимъ.

Потомъ мы вошли въ какое-то дивное пламя, которое не опаляло насъ, но только освѣщало. Ужасъ охватилъ меня, и опять водящій меня подалъ мнѣ руку, говоря:

— Еще выше намъ надо войти.

И тотчасъ мы очутились выше третьяго неба.

Тамъ я видѣлъ и слышалъ множество небесныхъ силъ, поющихъ и прославляющихъ Бога.

Мы пришли къ какой-то завѣсѣ, блистающей, какъ молнія. Предъ ней стояли страшные юноши; они были высоки, и видъ ихъ былъ похожъ на огненное пламя. Лица ихъ сіяли сильнѣе солнца, и огненное оружіе было въ рукахъ ихъ.

Здѣсь благоговѣйно стояло безчисленное небесное воинство. Юноша, который водилъ меня, сказалъ мнѣ:

— Когда отнимется завѣса, тогда увидишь Владыку Христа, поклонись престолу славы Его.

Услышавъ это, я трепеталъ и радовался. Ужасъ и неизреченная радость охватили меня. Я стоялъ и смотрѣлъ, пока отнимется завѣса.

И вотъ, когда какая-то пламенная рука отняла завѣсу, я увидѣлъ Господа моего, какъ нѣкогда Исаія пророкъ, сидящимъ на высокомъ и превознесенномъ престолѣ, и

серафимы стояли окрестъ Его. Онъ былъ облеченъ въ пурпурную одежду. Лицо Его испускало свѣтъ, а очи съ любовію взирали на меня. Я упалъ ницъ предъ Нимъ, покланяясь лучезарному и страшному престолу славы Его.

Какая тогда радость наполнила и охватила меня отъ видѣнія лица Его, того невозможно высказать. И теперь, вспоминая то видѣніе. я исполняюсь неизреченной сладости.

Я въ трепетѣ лежалъ предъ Владыкой моимъ, удивляясь такому Его милосердію, что Онъ попустилъ мнѣ, человѣку грѣшному и нечистому, прійти къ Себѣ, и видѣть божественную красоту Его.

Исполненный умиленія, я думалъ о недостоинствѣ моемъ и, созерцая величіе Владыки моего, говорилъ въ себѣ слова пророка Исаіи: „О, жалкій я! Какъ я, будучи человѣкъ и имѣя нечистыя уста, сподобился глазами моими видѣть Господа моего.

Я услышалъ, что милосердый Творецъ мой пресладкими и пречистыми Своими устами сказалъ мнѣ три божественныя слова.

Эти слова такъ усладили сердце мое и разожгли ее любовію, что я весь таялъ, какъ воскъ, отъ духовной теплоты. И исполнились на мнѣ слова Давида: *„бысть сердце мое, яко воскъ таяй посредѣ чрева моего“*.

Потомъ все воинство небесное воспѣло дивную неизреченную пѣснь.

И послѣ этого — не знаю, какъ — я опять очутился въ раю. Я снова ходилъ по раю и думалъ, отчего не видѣлъ Пречистой Бо-

городицы. И вотъ я увидалъ какого-то мужа, свѣтлаго, какъ облако. Онъ носилъ крестъ и сказалъ мнѣ:

— Ты хотѣлъ видѣть здѣсь пресвѣтлую Царицу небесныхъ силъ. Но ея теперь нѣтъ здѣсь. Она ушла въ страдальческій міръ помогать людямъ и утѣшать скорбящихъ. Я показалъ бы тебѣ Ея святое мѣсто, но нѣтъ теперь времени. Тебѣ надо опять возвратиться туда, откуда пришелъ, какъ повелѣваетъ тебѣ Владыка.

Когда онъ говорилъ, мнѣ казалось, что я сладко уснулъ.

Потомъ я проснулся и очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде, лежащимъ въ углѣ. Я удивился тому, гдѣ былъ въ видѣніи и что сподобился видѣть. Я нашелъ сердце мое исполненнымъ неизреченной радости, и благодарилъ Владыку моего, изволившаго явить мнѣ такую благодать.

Все это святой Андрей открылъ другу своему Никифору и взялъ съ него клятву, чтобы онъ не говорилъ объ этомъ никому, до тѣхъ поръ, пока Андрей разрѣшится отъ узъ плоти.

Никифоръ умолялъ его, чтобы онъ сказалъ ему хоть одно слово изъ тѣхъ трехъ словъ, которыя Господь сказалъ ему.

Но Андрей ни за что не захотѣлъ открыть это. Андрей видѣлъ такую красоту, и такія блага, какихъ не видѣло бренное око на землѣ, и слышалъ то, что не слышало смертное ухо, и усладился тѣми, открытыми ему благами, которыя не входили на сердце человѣку.

Конецъ.

Отпечатано в типографии ППП 1-7.
Павловск, Марата, 12. Зак. 1069. Тир. 50 000